

Словно снежный дух, он явился вместе с порывом холодного ветра.

Из-за угла за ним пристально наблюдали. Незнакомый неотрывно следил за юным лицом — еще детским, но уже изящным, точно искусно выточенное из нефрита изваяние. Весь его облик дышал отрешенным величием, будто мальчик сошел в этот мир прямо из заснеженных чертогов.

Пройди еще пять лет — и его красота затмила бы весь мир. Ради такого юноши не жаль отдать и целое царство в качестве свадебного дара, лишь бы разделить с ним власть над бескрайними землями и бесконечные темные ночи.

Восьмой принц, Сюаньюань Дуань, замороженный этой неземной прелестью, невольно сжал кулаки. Он затаил дыхание, глядя, как Ху Пэй гибким, изящным движением наклоняется, чтобы подхватить на руки белоснежную лисицу.

Он прижал кулак к губам и тихо пробормотал:

— Поистине небо ниспослало нам божество.

Сопровождавший его слуга, уловив намерения своего господина, склонился к его уху:

— Господин, это девятый молодой барин из семьи Ху — Ху Пэй. Он прибыл сегодня в храм для подношения благовоний.

— Так, значит, это тот самый господин Линцзюнь, о чьем божественном облике шепчется вся столица? Одного взгляда достаточно, чтобы понять: слухи не лгали. — Сюаньюань Дуань слегка прикусил костяшку указательного пальца. Он смотрел с хищным блеском человека, который твердо вознамерился заполучить желаемое. — До того как мы вернемся во дворец, разузнай о нем все. Каждую мелочь, которую только удастся раскопать.

Слуга, Лэй Сяо, покорно склонил голову в знак согласия.

На заснеженной тропе Ху Пэй уже баюкал на руках подбежавшую к нему лису. На мгновение он устремил взгляд вдаль, заметив у храмового карниза колыхнувшийся край черного одеяния — кто-то поспешно скрылся из виду. Юноша не придавал этому значения. Опустив взор на протоптанную дорожку под ногами, он ровным шагом продолжил спуск.

Спускаясь, он тихо спросил лису:

— Ты ведь собирался уйти?

"Вообще-то, это твое тело"

— Что ж, тогда сиди смирно и не высовывайся, — хладнокровно отозвался Ху Пэй. — Когда эта жизнь подойдет к концу, если ты подсуетишься, я, возможно, смогу вернуться в свой лисий облик.

Он зашагал быстрее, направляясь туда, где его ждали домочадцы семьи Ху.

После того как старая госпожа Ху вместе с семьей завершила подношение благовоний и щедро пожертвовала храму на масло для светильников, все двинулись в обратный путь. Спустившись к подножию горы, они пересели в экипажи и покатали назад, к Золотой столице.

Сюаньюань Дуань, облаченный в роскошный темный халат, неторопливо ехал верхом вслед за экипажами семейства Ху. Слушая донесения Лэй Сяо, он тонко и прохладно улыбался.

— После Нового года он поступает в Государственный университет. Похоже, слава о его таланте вовсе не преувеличена. Что ж, это обещает быть крайне занимательным.

Тот мимолетный взгляд из-под заснеженной монастырской кровли навсегда врезался в память Сюаньюань Дуаня. С того самого дня принц забросил свои излюбленные темные одеяния, сменив их на ослепительно-белые шелка — лишь для того, чтобы подражать чистоте того, кто пленил его сердце, и делить с ним безупречную белизну земных дорог.

После поездки в храм семья Ху мирно и благополучно встретила тридцать первый год правления под девизом Дигэн.

В пору новогодних поздравлений и визитов вежливости усадьба Ху, помимо обычных подношений от родни и знакомых, получила праздничные дары от семейства Чао.

Ху Юньшэнь пробежал глазами по списку, который протянула ему супруга: прессованный чай высочайшего сорта «Дракон и Феникс» из провинции Воцю, драгоценный столичный фарфор из провинции Шэнчжэн, подарочный набор благовоний «Семь ароматов» из провинции Наньшу, изысканные морские деликатесы из провинции Наньсюань, целая мера отборной соли из провинции Хайчэнь, шкура исполинского волка из Провинции Северного Процветания...

— Да уж... Эти Чао...

Первая госпожа Ху, Цзи Муюнь, спокойно заметила:

— Раз уж наш А-Пэй учится вместе с Чао Цо, да к тому же под конец года подтолкнул его к

усердию, господин сиши решил проявить исключительную благодарность.

Ху Юньшэнь лишь сокрушенно покачал головой, не выпуская из рук бумагу.

После того памятного недоразумения с благовонными приглашениями семья Ху уклонилась от ответных визитов, стараясь держаться в стороне. Однако Чао Ган и не думал обижаться или осторожничать. Напротив, поскольку Ху Юньшэнь не раз намеками и прямыми предостережениями советовал ему побережь репутацию, Чао Ган проникся к нему глубоким уважением, сочтя честнейшим и надежнейшим человеком.

Но щедрость, сквозившая в этом списке, уже граничила с безрассудством. Другие подношения были просто дорогими и редкими, но соль... Торговля и перевозка соли строго контролировались государством, и даже простым людям она отпускалась строго по установленной мере. Принять в дар целое ведро чистейшей соли — от такого подношения любого честного чиновника бросило бы в холодный пот.

Ху Юньшэнь прекрасно понимал: его дружеские советы пропали даром. Чао Ган чувствовал себя в полной безопасности, поскольку за его спиной стоял могущественный великий министр Цзи Сюэкан, и пользовался этим вовсю, гребя богатства лопатой...

Рано или поздно это добром не кончится!

Если позволить семье Чао и дальше сближаться с их домом, это неминуемо навлечет беду на весь род Ху. Ху Юньшэнь смотрел на злополучный список, и у него разламывалась голова.

Госпожа Ху, видя, что он нахмурился, негромко подсказала:

— Все эти дары присланы ради нашего А-Пэя. Спроси лучше его мнения, пусть он сам решит, как быть.

Ху Юньшэнь вздохнул, его хмурый взгляд смягчился. Слегка обняв супругу за плечи, он решил лично навеститься в обитель сына.

Войдя во Дворик Нефритового Ириса, он положил бумагу прямо перед сыном:

— Ты заварил эту кашу, тебе ее и расхлебывать. Что думаешь делать?

Ху Пэй, сидевший в легком домашнем халате, из-под которого проглядывала его хрупкая, худощавая фигура, неторопливо пробежал глазами по списку и негромко усмехнулся. Глядя на его безупречную осанку и утонченные манеры, Ху Юньшэнь почувствовал гордость. Ему даже захотелось погладить бороду и с достоинством кивнуть, хваля сына.

Однако в роду Ху, испокон веков служившем при дворе весенними чиновниками, бороды носить было не принято. Лишенный возможности картинно погладить подбородок, отец перевел взгляд на белоснежного лиса, лениво свернувшегося на кушетке в углу комнаты.

Заметив, что отец направился к зверю, Ху Пэй ровным, спокойным голосом предупредил:

— Отец, я бы не советовал его трогать.

— Вот как? Но ведь ты постоянно таскаешь его на руках, и он кажется совершенно ручным. — Ху Юньшэнь удивленно отдернул руку, решив не рисковать.

— То, что он ласков со мной, вовсе не означает, что он будет терпеть чужаков, — улыбнулся Ху Пэй. — То же касается и этого списка даров. Отцу стоит разузнать, что именно семейство Чао разослало остальным домам, с которыми они поддерживают связь. Когда принесли приглашение на встречу «Семи ароматов», я остался дома. И вы, полагаю, уже успели высказать господину сиши свои опасения. Раз так, а Чао Ган все же прислал столь роскошные подарки, значит, у него есть на то причины. Сиши Чао далеко не глупец. Соберите сначала слухи, а там и решите — принять дары или вернуть обратно.

«И все же целая мера казенной соли из Хайчэня... Это выглядит странно, будто нас нарочно провоцируют»

Ху Юньшэнь уловил намек: сын сравнивал нрав дикого зверя с манерами Чао Гана, который для каждого подбирал свой подход и свои подношения. На мгновение отец поразился столь зрелому уму своего юного отпрыска.

«Мальчик метит в великие министры... А какой же канцлер обойдется без тонкого понимания придворных интриг? С такой проницательностью он точно не пропадет»

Гордость в душе Ху Юньшэня мешалась с глухой тревогой. Род Ху испокон веков славился безупречной честностью — они никогда не брали лишнего из казны, а императорские награды неизменно жертвовали в пользу бедствующих провинций, пострадавших от засухи или морозов. Неужели вековая слава их благородного дома угаснет из-за амбиций этого юноши?

Ху Пэй с удивлением уставился на отца, на чьем лице отражалась сложная гамма чувств.

— О чем вы задумались, отец?

— А-Пэй, если тебе и впрямь доведется занять пост великого министра... как ты поведешь дела? — Ху Юньшэнь негромко кашлянул, прощупывая почву.

Ху Пэй на секунду задумался. Стерев с лица мимолетную улыбку, он посерьезнел и уважительно обратился к отцу:

— Наша Великая Чжоу стоит уже два столетия, и сейчас ее могущество в самом расцвете. Как вы, отец, оцениваете прежних великих министров, включая нынешнего — Цзи Сюэкана?

— С момента основания империи этот пост занимали восемь человек, включая Цзи Сюэкана, — отозвался Ху Юньшэнь. — Трех из них народ и история признали истинными мудрецами. Один правил дольше всех — без малого шестьдесят лет, умудряясь совмещать эту должность со званиями великого наставника и великого опекуна. Еще один закончил жизнь на плахе за казнокрадство и участие в заговоре против престола. Двое прославились делами на благо простого люда, и память о них жива в веках. Был еще один, предпочитавший путь недеяния. Что же до Цзи Сюэкана... судить о нем рано, ведь он все еще у власти. Однако пока его правление не отмечено ни великими свершениями, ни громкими провалами — его дела можно назвать посредственными.

— Позвольте мне начать с тех троих мудрецов, — спокойно заговорил Ху Пэй. — Один из них принадлежал к школе военных стратегов, двое других были конфуцианцами. Все они ставили благо народа выше сиюминутной выгоды казны, за что и заслужили славу праведников. Тот, кто правил дольше всех при двух императорах, не оставил по себе доброй памяти лишь потому, что до последнего цеплялся за власть, не желая передавать бразды правления повзрослевшему государю. А о казнокраде и говорить не стоит. Имея в руках власть, превосходящую подчас волю самого монарха, он попался на столь банальном воровстве... Глупец, совершенно не понимавший, как следует распоряжаться своим положением.

— Постой... — прервал его Ху Юньшэнь. Поначалу он слушал рассуждения сына с одобрением, радуясь, что годы в начальной школе не прошли даром. Но последние слова заставили его насторожиться. — Ты что же... одобряешь мздоимство?

— Учителя говорят: в кристально чистой воде рыба не водится, — с мягкой улыбкой возразил Ху Пэй. — В мутном омуте излишняя чистота лишь привлекает ненужное внимание соперников. Разве не из-за вашей безупречной честности, граничащей с бедностью, вы столько лет остаетесь на должности весеннего чиновника без надежды на продвижение? Ведь хоть наше ведомство и считается почетным, реальной власти у него куда меньше, чем у остальных министерств.

Ху Юньшэнь несильно хлопнул сына по плечу.

— Ты можешь стать хоть великим канцлером Поднебесной! Но мараить имя предков грязными деньгами я тебе не позволю.

— Это возвращает нас к оставшимся министрам, — Ху Пэй слегка потер плечо. — Тот, кто проповедовал недеяние, полностью отдал власть своим подчиненным. В его правление чиновники творили на местах беззаконие, и народ проклинал его имя. Слава о «мудром недеянии» была лишь ширмой для его слабости.

Ху Юньшэнь начал понимать ход мыслей сына:

— Значит, ты хочешь сказать: истинный правитель должен уметь делиться выгодой с народом, не пытаясь казаться святым. Но при этом использовать это как приманку для укрепления собственного влияния? Ты намерен подражать тем двоим, кто снискал любовь простого люда, и строить свою карьеру на народном обожании?

Ху Пэй лишь загадочно улыбнулся, не подтверждая и не опровергая его слов. Одно дело — строить планы и выбирать стезю, и совсем другое — столкнуться с суровой реальностью, где никто не может предсказать, куда заведет тебя выбранная дорога.

Взирая на столь юного, но уже невероятно целеустремленного сына, Ху Юньшэнь ощутил гордость и невольно вздохнул:

— Хорошо. Я понял, как поступить с подарками Чао Гана. Когда придет твой срок, я сделаю все, чтобы облегчить тебе восхождение.

Спрятав в рукав свои сомнения насчет казенной соли, Ху Пэй поднялся и, взглянув в лицо высокому, статному отцу, мягко произнес:

— Отец, я уже говорил матушке: если у меня есть способности, мне не нужны ни ваши связи, ни ваше наследство. Я добьюсь всего сам. И поверьте, этот день настанет гораздо быстрее, чем вы думаете.

Он незаметно покосился на свернувшегося на кушетке лиса.

«Если медлить слишком долго, моя жизнь может оборваться в любой момент»

— Смелые речи для такого юнца, — рассмеялся Ху Юньшэнь, не восприняв его предупреждение всерьез, но искренне радуясь его пылкости. — Дай бог тебе сохранить этот чистый разум, когда ты станешь вершить государственные дела.

Прихватив злополучный список, отец с веселым смехом покинул Дворик Нефритового Ириса.

Вслед за праздником Фонарей — заветным Праздником Первой Ночи — пришло время начала занятий в Государственном университете Золотой столицы.

Однако Ху Пэю предстояло провести еще один месяц в стенах Начальной школы Белого Коня, чтобы получить личную рекомендацию от наставника Оуяна и лишь затем явиться в университетские чертоги.

В один из дней, только покинув кабинет учителя, он нос к носу столкнулся с Чао Цо. За

прошедшие праздники тот нисколько не раздобрел — напротив, возмужал и стал выглядеть еще крепче. Облаченный в строгий ученический халат, Чао Цо замер, во все глаза глядя на Ху Пэя, который неторопливо шел к нему под сенью сухих зимних ветвей, изящный и безупречный, словно сошедший с картины.

Сжав кулаки, Чао Цо решительно двинулся ему навстречу.

Ху Пэй сделал несколько шагов и остановился в густой тени деревьев, поджидая однокашника. Но Чао Цо, упрямо набычившись, прошел мимо, сделав вид, будто вовсе его не замечает.

Озадаченный Ху Пэй обернулся вслед за его широкой, прямой спиной и, едва заметно улыбнувшись, окликнул:

— Чао Цо.

Сердце парня, напускавшего на себя безразличие, бешено заколотилось. Он замер как вкопанный, но так и не решился обернуться. Его высокая, не по годам плечистая фигура отчетливо выделялась на залитой солнцем дорожке, хотя лицо оставалось скрыто от взгляда Ху Пэя.

Ху Пэй скользнул взглядом по упрямой спине, и в его памяти внезапно вспыхнул туманный образ расшитых молниями одежд Повелителя Грома. Сам не зная почему, он сделал пару шагов вперед, но тут же опомнился и покачал головой, прогоняя наваждение. Перед ним стоял всего лишь надувшийся мальчишка.

Успокоив внезапное волнение, Ху Пэй заговорил ровным, наставительным тоном:

— Путь ученого-конфуцианца — не единственная дорога к величию. Школа военных стратегов — такая же надежная опора для нашей империи. Твой отец тоже начинал как воин, прежде чем заняться гражданской службой. Настоящему государственному мужу не важно, с чего начинать, главное — его собственные способности.

Чао Цо резко развернулся, словно раззадоренный волчонок. Он сердито посмотрел на красивое, но такое раздражающее лицо Ху Пэя:

— Ху Пэй! Не думай, что в учении я уступлю тебе хоть на шаг! Вот увидишь, через год я тоже буду учиться в Государственном университете. И не смей во мне сомневаться!

Выпалив это, он развернулся и припустил прочь по тропинке.

Ху Пэй лишь покачал головой и тихо рассмеялся. Наставник Оуян действительно возлагал большие надежды на упрямого юношу, уделяя ему столько внимания, что другие ученики исходили завистью.

Месяц пролетел незаметно. Ху Пэй получил рекомендательные письма от троих ведущих наставников во главе с Оуяном Юйху. На этом его обучение в Начальной школе Белого Коня завершилось, и настала пора явиться в Государственный университет.

На следующий день, проезжая мимо своей прежней Начальной школы, он встретил Ми Цзяо. Тот захлеб поведал новость: Чао Цо официально признан личным учеником мастера Оуяна Юйху.

В те годы преподаватели в Золотой столице славилась не только выдающимися познаниями, но и высочайшей добродетелью. Многие ученые мужи из древних конфуцианских родов предпочитали спокойную жизнь наставников в школах и академиях, возвращая молодые таланты и оберегая покой мирного времени. Род Оуян принадлежал именно к таким благородным династиям, и Оуян Юйху сознательно вел уединенную жизнь простого школьного учителя.

Глава ведомства Чао Ган был на седьмом небе от счастья, узнав, что его сын удостоился чести учиться у такого мастера. Помимо богатых даров самому учителю, он отправил щедрые подношения и в усадьбу Ху — в знак признательности за дружескую поддержку.

Ху Пэй, порадовавшись за приятеля, тепло распрощался с Ми Цзяо, чей взгляд так и лучился восторгом, и поднялся в экипаж. Эту новенькую коляску матушка справила ему на собственные сбережения, а правил лошадьми верный слуга Ху Линь.

В первый же день Ху Пэй, оказавшись среди будущих сокурсников — юношей и девушек не моложе четырнадцати лет, — произвел настоящий фурор. Мало того что он выделялся среди рослых подростков малым возрастом и ростом, так еще и его ангельский лик приковывал к себе все взоры.

Он еще не успел разыскать нужный класс, как путь ему преградила толпа учеников постарше. Все они щеголяли в университетских сине-зеленых халатах с наброшенными поверх белыми прозрачными накидками и узорчатыми поясами.

Окруженный со всех сторон, Ху Пэй не мог сделать и шагу. В ушах звенело от непрерывного щебетания, будто его заперли в клетке со стаей говорливых птиц. В этот миг бывшие одноклассники из Начальной школы Белого Коня показались ему верхом скромности и очарования. Те ребята если и хотели заговорить с ним, то робели и держались на почтительном расстоянии. Зато здешние вовсю разглядывали его, как диковинного зверя, и беззастенчиво перешептывались, охая: «Какой маленький!», «Какое чудо!», «А красив-то как!» — и даже не думали уступить дорогу.

Восьмой принц, Сюаньюань Дуань, заранее выведал день поступления знаменитого господина Линцзюня. Облачившись в безупречно белое одеяние, он уже довольно долго поджидал его под сенью старого дерева неподалеку.

Все шло точно по его расчетам. Имя Линцзюня уже гремело по всему университету. Поначалу

слухи питали лишь рассказы о его невероятной красоте, но теперь, когда этот восьмилетний гений подтвердил свой талант делом и поступил на высшую ступень обучения, его слава взлетела до небес. Было очевидно, что местная молодежь бросится знакомиться с юным дарованием.

Решив, что момент настал, Сюаньюань Дуань неторопливо направился к толпе. Ребята уже изрядно докучали мальчику своими расспросами, и сейчас было самое время разыграть благородного спасителя. Напустив на себя величественный вид, он двинулся вперед.

Однако на полпути ему пришлось замедлить шаг. С боковой аллеи показалась прогуливающаяся пара — шестой принц Сюаньюань Юэ и восьмая барышня семьи Ху, Ху Юньшань. Они шли бок о бок, увлеченно беседуя о чем-то.

Сюаньюань Дуань почувствовал тень досады, но он мгновенно справился со своими чувствами и, ускорив шаг, преградил им дорогу с радушной улыбкой на лице:

— Шестой брат! Барышня Ху.

— Ба! Восьмой брат, сегодня тебя просто не узнать! — изумился Сюаньюань Юэ, который окончил университет еще в прошлом году. У него было слишком много старших братьев, отчаянно боровшихся за трон, поэтому он предпочитал держаться в тени, ведя жизнь праздного гуляки в ожидании, пока улягутся страсти. — Решил сменить свои излюбленные мрачные одежды? Неужели убоился ворчания наставников и надел парадное платье? Впрочем, этот белый цвет тебе к лицу. Уж не ради ли нашего юного гения, девятого молодого господина Ху, ты так принарядился?

Сюаньюань Дуань покосился на толпу, которая при звуках принцевского голоса начала нехотя расходиться. Когда круг разомкнулся, перед ними предстал Ху Пэй. В его утонченных чертах сквозила удивительная гармония — чистота юности, в которой уже угадывалось нечто манящее и глубокое.

Оставив праздные расспросы брата без ответа, Восьмой принц улыбнулся и негромко продекламировал:

— Поистине... Я встретил образ неземной, и в мыслях он всегда со мной. Моя душа горит огнем, хмелея, словно от вина...

— Кхм... — Ху Юньшань громко и выразительно кашлянула, и она явно раздражалась: — Ваше Высочество, мой младший брат действительно наделен редкой красотой, но спешу напомнить: он мужчина.

Сюаньюань Дуань даже бровью не повел. Покосившись на смутившегося Сюаньюань Юэ, он с достоинством произнес:

— Я прекрасно знаю, кто он. Но в этом мире истинная красота не имеет преград. Даже наложница Цю, признанная первой красавицей нашего Великого золотого дворца, блекнет рядом с ним. В его жестах, в этой непринужденности, похожей на весенний ветерок, таится то, что способно растопить любое сердце.

Сюаньюань Юэ поспешно придержал готовую взорваться от возмущения Ху Юньшань и примирительно проговорил:

— Брат, ты заходишь слишком далеко.

— Полно тебе, шестой брат, — усмехнулся Сюаньюань Дуань. — Ты ведь и сам прошел этот путь, когда кружил вокруг барышни Ху. Тебе ли не знать, как легко потерять голову в наши годы.

С этими словами он обошел растерявшихся спутников и двинулся наперерез уходящему Ху Пэю.

Ху Пэй слегка прищурился, глядя на представшего перед ним юношу. Он скользнул взглядом по драгоценной нефритовой подвеске на его поясе, после чего спокойно встретил горящий вожделением взор принца.

— Приветствую Восьмого принца, — ровно произнес Ху Пэй.

— Рад нашей встрече, Сяо Цзю, — тепло улыбнулся Сюаньюань Дуань, изящным и торжественным жестом отдавая ему традиционный ученический поклон.

Ху Пэй бросил быстрый взгляд поверх его плеча на стоящих поодаль Шестого принца и свою сестру Ху Юньшань. Сюаньюань Юэ держался скромно, но в глубине его глаз читался недюжинный ум — этот человек явно не так прост, как казался.

Ху Пэй вежливо отступил на полшага назад и ответил Сюаньюань Дуаню безупречным поклоном по всем правилам конфуцианского этикета.

«Каждый из них жаждет власти. И каждый готов на все ради нее»